

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

БУДДИЗМ В ГЕОПОЛИТИКЕ НАРОДОВ И ИМПЕРИЙ ОТ ТАНГУТА ДО КАСПИЯ

Б.У. КИТИНОВ

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, 117198 Москва, Россия

В статье характеризуется роль буддизма как мощной геополитической составляющей процессов в Каспийском регионе.

В Каспийском регионе (Прикаспии) представлены не только прибрежные государства, но и более отдаленные. В экономическом и социально-историческом плане регион образует комплексную переходную зону пересекающихся западных и восточных моделей; в культурно-морфологическом отношении Каспийский регион можно охарактеризовать как несущий в себе следы соответствующих внешних влияний и обладающий специфичными субрегионами. Историко-политическое развитие Прикаспия изобилует такими событиями, которые, зародившись там, оказывали долговременное и глубинное воздействие на процессы, протекавшие не только в нем, но и за тысячи километров в стороне. Имеет место и обратное – факторы и обстоятельства, случавшиеся в дальних странах, периодически давали знать о себе. К таким факторам следует отнести буддизм – учение, зародившееся в Индии, но получившее свою локальную специфику во всей Азии и имевшее три волны своего распространения в Каспийском регионе.

Интегрирование религии в системы управления и контроля с целью оптимизации механизмов поддержания политической и иной стабильности в регионе – такова основная цель государства, допускающего свое сосуществование с той или иной религией. Расширение государства постулировало объективную необходимость, если использовать терминологию А. Тойнби, давать ответы на вновь возникающие вызовы. Властям империй следовало идентифицироваться во вновь обретенных территориях, в пространственном и временном континууме, и, предугадав возможные сценарии будущего, выбрать наиболее оптимальные для своего общества. Евразийское сообщество в течении XVIII в. воспринимало пространство как «длинное время», жизнеспособное лишь при условии последовательной позитивной динамики. Основными игроками на этом пространстве стали Российская и Китайская империи.

В течение нескольких предыдущих веков политические и геополитические акции Китая в отношении кочевников во многом определялись развитием ситуации в Тибете. Пробуддийская политика китайской династии Мин была обусловлена не только желанием найти общие точки соприкосновения с кочевниками (прежде всего с монголо-язычными народами: ойратами, известных также как западные монголы, калмыки, либо по их племенным этнонимам: торгоуты, хошоуты, дербеты, джунгары, а также с монголами), но и поиском союзников против новой угрозы – державы Тамерлана. В превентивных целях китайскими войсками в 1405 г. были заняты земли древних тангутов (Си-Ся). Столкнувшись здесь с ойратами и считаясь с их мощью, китайцы с успехом использовали свой традиционный политический

прием, заключавшийся в попытке встроить правящий слой соседних народов в иерархию китайской «табели о рангах», тем самым подчинив их себе прежде всего в политико-правовом отношении: они в 1408 г. вручили высшие китайские титулы трем ойратским ханам [11, с.18]. Зная о религиозных предпочтениях ойратов, Минский двор позиционировал себя как центр буддизма; в частности, он приглашал к себе глав практически всех направлений тибетского буддизма [16]. Не удивительно, что уже тогда ойраты просили императора выслать им разные буддийские предметы, в частности, книги по отправлению религиозного культа [14, р. 187]. В то время Срединная империя была сакральным центром не только для западных монголов, но и вообще для большинства (если не всех) соседей империи, которые считали за честь направлять к императору так называемые «даннические» миссии и получать китайские титулы и звания. Вероятно, формально это было необходимо прежде всего для утверждения своего авторитета у окружающих народов. Обладающий титулом сразу же оказывался на определенной ступени ранговой лестницы, в отлаженной системе взаимоотношений между элитами кочевников разных культур и вер – особом социальном пространстве, «организованной по законам дифференциации символической системой» [3, с. 145]. С ростом религиозного фактора нужда в таких званиях и титулах (но не системе) отпадала. Появился новый центр притяжения и споров – Тибет.

Китайская сторона пыталась встроить и тибетских иерархов в свою систему взаимоотношений, причем активность таких попыток зависела от степени доминирования в Степи тех или иных кочевников. Л. Шрам, ссылаясь на работу П.Пеллио, отмечал, что, как следует из китайских источников, «в период Хун-у (1368-1398 гг.) титулов «Учитель империи» и «Великий учитель империи» были удостоены лишь четыре или пять лам. Во время Юн-лэ (1403-1424 гг.) титула «Правитель закона» удостоились два ламы, два – «Будда западного рая», восемнадцать – «Кун-тинг» или «Да Гуши», или оба титула. В период Тянь-тай (1450-1456 гг.) титулы присваивались столь обильно, что мы сбились со счета» [15, р. 17]. Примечательно, что массовое присвоение различных званий ламам началось именно после 1449 г., когда в битве при р. Ту-му ойраты под предводительством хана Эсена нанесли сокрушительное поражение императорским войскам, несмотря на подавляющее численное превосходство последних. Более четверти из миллионной армии китайцев было уничтожено, был пленен сам император Ин-цзун. Путь на Пекин был открыт, но ввиду почитания императора как Сына Неба и столицы как сакрального центра Эсен не только не двинулся на столицу, но приказал с почтением относиться к высокопоставленному пленнику. А вскоре и вовсе отпустил императора на родину без очевидных выгод для себя.

С конца XVI в. калмыки (торгоуты, часть дербетов) начали свое продвижение из Джунгарии (совр. СУАР КНР) на север, в пределы России. В 30-х гг. XVII в. они окончательно осели в Поволжье, у Каспия. Здесь, в новой незнакомой обстановке, требовалось идентифицировать себя, свою культуру, свой язык. Калмыки начали моделирование понятных и близких им географических, тесно связанных с религией, образов (а также знаков, символов и др.) с целью воссоздания привычной картины бытия (определяемое иногда в науке также как «образно-географическая деятельность», или «ментальная карта»). Пространственная проекция обусловила воссоздание привычных образов с последующими практическими действиями. Природные объекты получали соответствующие название, трактовку, образность, шла сакрализация пространства. Основная часть ойратов, ушедших в Россию, состояла из племени торгоутов, живших прежде на землях тангутов. Поэтому

неудивительно, что они на новом месте воссоздали образно-географический стереотип своей прежней родины, назвав вновь обретенные земли в Поволжье и Прикаспии как Хальмг Тангч (калмыки из Тангута) [8, с. 74,77; 9, с. 102]. В данном нарицательном слове наличествуют два стереотипа: образно-географический и этно-религиозный. Этноним «калмык» появился, видимо, около середины XIV в., и связан с принятием ислама значительной частью монголов и ойратов в Персии в конце XIII – начале XIV вв., тогда как ойраты Джунгарии остались буддистами, т.е. «язычниками», и, таким образом, стали для мусульман «калмыками» («отступниками»). Такого мнения придерживались В.В.Бартольд [2, с. 538] и Ц.Д.Номинханов [9, с.100]. Итак, утверждение своего ханства как Хальмг Тангч было обусловлено культурно-политическими потребностями народа и ханства. Именно постоянной рефлексией в историческое прошлое поддерживался боевой дух кочевничества и вера в Будду, вера в будущее, ведь западным ойратам приходилось жить вдали как от основной массы соплеменников, так и от священного центра веры – Тибета. «Географические местности, связанные с историческими событиями, имеют значение для всего народа, иногда даже для всего мира, поэтому естественно надеяться встретить в географических названиях знамения грядущего, как бы предчувствие самую страну будущих событий, хотя лишь после самого совершения их знаменательность географических имен становится общедоступной. Таких примеров – много», – отмечал П.А.Флоренский [18]. Эти названия были своего рода «тамга» – знаками, символами, призванными вызывать узнавание и доверие в системах сложных взаимоотношений между народами Центральной Азии.

Воссоздание (явное и латентное) географических, религиозных и иных образов, играющих ключевую роль в рефлексивном контексте, – прием, успешно взятый на вооружение также китайскими и российскими властями (императорами). Благодаря таким приемам появлялась возможность корректировки мировосприятия и моделей поведения тех лиц, народов и стран, на которых и направлена подобная деятельность. Например, в Китае императоры во многом строили свою внешнюю политику на системе «даннических» миссий, распространением предметов и символов своей культуры. Специально для встречи посольств от кочевников-буддистов, в летней императорской резиденции Джехол, была возведена маленькая копия Поталы – монастырского дворца Далай Ламы [13, р. 46]. Развивая такую политику, новая маньчжурская династия Цин вторглась в сферу сугубо религиозного пространства: она перехватила у тибетских первосвященников право на создание новых институтов «перевоспощенцев» - тулку (sprul sku – тиб. яз., на монг. яз. - хубилганов). Именно при самом активном участии маньчжурского двора появились свои духовные главы у южно-монгольских и северо-монгольских племен: Чанакья хутухту (chang lcang skya) и Джебцун Дамба хутухту (rje btsun dam pa), соответственно. Попытка имплантировать подобный институт к ойратам потерпела крах, у них стала центральной фигурой Далай Ламы, с которым во многом были связаны и кочевки, и войны ойратов. Что касается политики России в отношении институциональных феноменов религии, то она в целом формировалась в рамках европейской правовой традиции: государство не вмешивалось в сферу сакрального, но утвердило верховенство вновь созданных институтов «Ламы калмыцкого народа» и «Пандида Хамбо Ламы» у бурят.

В России создание пробуддийских географо-сакральных образов шло, естественно, от самих кочевников. В то время Каспийский регион, где они окончательно осели, еще не вошел в зону влияния Москвы. Москва присматривалась к Каспию еще прежде завоевания Астраханского ханства в сер. XVI в. Понимание

выгод транзитной торговли стало особенно явно после петровских походов, когда остзейское побережье с его удобными гаванями буквально требовало логичной смычки на южном конце торгового пути (Гилян, Мазандеран, Астрабад). Петр интересовался Персией не только как богатым рынком и возможным полем столкновения с Турцией. В своей инструкции графу Волынскому, направившемуся в 1715 г. посланником в Персию, он наказывает разузнать, «нет ли какой реки из Индии, которая б впадала в сие море»... «нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию» [10, с. 698]. Важен был и религиозный аспект: «...также осведомляться, нет ли каких иных в тех странах христианских или иноверных с персами народов, и ежели есть, каковы оные состоянием?» [10, с. 698]. Уже после персидских походов Петр вновь обращал внимание на религиозный штрих каспийских территорий: «армян призывать и других христиан, если есть, в Гилян и Мазандеран, и оживать (поселять), а басурман зело тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно, убавлять, а именно турецкого закона (суннитов)» [10, с. 715].

В связи с этноконфессиональным аспектом геополитики строились крепости и города, в том числе и для калмыков. Ярким примером этого является строительство Ставрополя-на-Волге (ныне г. Тольятти). В 1736 г. ввиду обращения крещенных калмыков российское правительство решило «отвести особливые места для поселения крещенных калмыков... Тайный советник Татищев... нашел в Симбирской губернии урочище, называемое Кунья Волошка, лежащее близ самой Волги, удобнейшим для кочевья калмыков, и построил на оном крепость, которая в 1739 году наименована Ставрополь» [4, с. 107; 5, с. 21]. Если Петр Первый полагался на калмыков прежде всего в военном отношении, то при Елизавете Петровне государство активно использовало их геополитический, связанный с конфессиональным аспектом, потенциал. Императрица в сер. XVIII в. считала возможным в интересах государства переселять на Каспий буддистов. Тогда Россия положительно рассмотрела просьбу алтайских зайсангов принять их в состав империи и защитить от нашествия китайско-маньчжурских армий, занявших Джунгарию в 1755 г. Елизаветой Петровной было принято решение переселить новых подданных к волжским калмыкам, поскольку они были одного «закона и языка»; императрица специально просила калмыцкого хана Дондук Даши направить на Алтай ламу для ускорения перекочевки [17, с.4].

Особое отношение предписывалось для мусульман – прежних подданных джунгаров: «Ежели между оными зенгорскими (джунгарскими – К.Б.) подданными, желающими подданства ея императорскаго величества, сколько ни есть будут бухарцев и других из махOMETан, и таковых в соединение с волжскими калмыками ни при каковых обстоятельствах отпускать не надлежит», поскольку для государства от такого соседства поселенцев-мусульман с горскими кавказскими народами «пользы не будет». В случае же, если джунгары смогут защититься от китайцев и восстановить свою власть, то, согласно Указу, оставленных в Сибири их прежних мусульманских подданных следует вернуть обратно: «по меньшей мере уж такая польза будет, что они удержаны будут от преданства их к Средней киргис-касацкой орде, усиление которой в рассуждении того, что киргис-касаки закона магометанского, а как в Сибири, так и Оренбургской губернии махOMETан весьма много, еще опаснейшим почитаемо быть долженствует, нежели зенгорского народа» [7, с. 171-172]. Такой подход императрицы к исламу дает возможность современным историкам считать, будто ее политика, «женщины чрезвычайно набожной, весьма благоволившей буддистам, была по отношению к исламу неблагоприятной» [6, с. 18]. Вероятно, центрально-азиатский ислам был менее знаком российским властям,

нежели кавказский и прикаспийский, что и определило такую осторожную политику по отношению к нему – хотя, как мы видим, уже имелось понимание различия ислама как «персидского» и «турецкого закона». Буддизм, также бывший своего рода *terra incognita* для российских властей, с раскрытием своего прогосударственного потенциала был поставлен на службу сохранения единства, целостности и процветания государства – причем как в Китае, так и в России [1].

Российская часть Каспия была привлекательной для различных радикалов, прикрывавшихся исламом – по сути, псевдорелигией – псевдоисламом; их деятельность в регионе признавалась нежелательной для интересов государства и самих российских мусульман. Например, 18 февраля 1836 г. вышло Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О воспреещении принимать Дервишей в подданство России». В нем указывалось, со ссылкой на другие документы, что «цель сих постановлений состоит в том, дабы пресечь связи их с нашими подданными, которые из опыта оказались вредными, ибо Азиатцы сии, и в особенности Дервиши, вместо того, чтобы идти в Мекку на поклонение, останавливались у нас в местах населенных Магометанами, возбуждали в сих последних фанатизм и поселяли всякие возмутительные правила» [6, с. 119]. Такова подоплека отказа «мусульманским дервишам», просившим позволения двинуться в Мекку через Астраханскую губернию, ибо «дорога в Мекку из Ташкента, Бухарии и Хивы есть ближайшая прямая чрез Азиатские области» [6, с. 120].

Краткое рассмотрение некоторых аспектов религий, прежде всего буддизма в Центрально-азиатском и Каспийском регионе, особенно его геополитической роли и значения в отдельные исторические периоды, позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, способности к миграции у религий обнаруживаются прежде всего в их периферийных образованиях, априори обладающих геополитическими устремлениями. Так буддизм проник в Центральную Азию на стыке эр, так он утверждался у кочевников. Роль государства (общества) в это время минимальна. Во-вторых, религиозный центр со временем оказывается в системном кризисе и подвергается разрушительным тенденциям, которые могут привести к исчезновению данной религии (буддизм в Индии). В-третьих, государство со временем начинает оказывать прямое воздействие на религию, привлекая ее для решения своих задач. Религия становится частью политики, священное вытесняется на задворки прагматизма и экономических расчетов.

Историю, проявления и геополитическую активность буддизма следует рассматривать не как статичные, но как динамичные объектно-субъектные системы, глубина и результативность взаимодействия и имплицитности которых зависит от личностей, внешней и внутренней конфликтности, от долгосрочного влияния отдаленного или ближнего прошлого, абстрактно-временного и реально-пространственного. Поворот к пространственным параметрам для социальных, прежде всего политических наук, обусловлен необходимостью поиска оптимальных вариантов дальнейшего развития народов, государств и регионов, оказавшихся в тисках проблем новейшего времени. Вероятно, немало задач может быть охвачено, объяснено и решено именно путем исследования «внутренней пространственности» [12] явления, события, данности, процессов и т.п., что предполагает, кроме прочего, понимание их парадигмальности, определение стратегии реконструкции явления или процессов и т.п. Существующее меж- и внутриконфессиональное напряжение практически по всему периметру Каспия сопряжено с мобилизацией огромных масс людей, средств ради достижения определенных геоэкономических, геополитических целей. Главный вопрос – контроль над территориями – решался и решается с

использованием человеческого, военного и идеологического потенциалов, на общем фоне религиозного и псевдорелигиозного феноменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та; Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т.5. - М., 1968.
3. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 2. - М.: Начала-пресс, 1993. С.137-150.
4. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. - Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991.
5. Викторин В.М. Астраханский край: формирование этнического состава населения (диаспоры и новая «региональная межэтническая идея») // Астраполис. - 2005. - №1. - С. 20-25.
6. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. / Сост. и автор вводной статьи, комментариев и прил. Д.Ю. Арапов. - М.:ИКЦ «Академкнига», 2001.
7. Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII-XVII вв.). - М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004.
8. Козин С.А. Джангариада. - М.-Л., 1940.
9. Номинханов Ц.Д. Происхождение этнонима «калмык» // Вестник АН Казахской ССР. - 1958. - № 11.
10. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. - М.: Правда, 1989.
11. Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. - М.: Наука, 1990.
12. Ethington Ph.J., McDaniel J.A. Political Places and Institutional Spaces: The Intersection of Political Science and Political Geography // Annual Review of Political Science. - Vol.10. - 2007, June. - P. 127-142.
13. Kitinov B. Kalmyks in Tibetan History // The Tibet Journal. - Vol. XXI. - № 3. 1996, Autumn. - P. 35-46.
14. Levathes L. When China Ruled the seas: the Treasure Fleet of the Dragon Throne 1405-1414. - N.Y.: Simon and Schuster, 1994.
15. Schram L.M.J. The Monguors of the Kansu-Tibetan Frontier. Pt.2. Their Religious Life. - Philadelphia, 1957.
16. Sperling E. The 1413 Ming Embassy to Tsong-Kha-pa and the Arrival of Byams-chen Chos-rje Shakyapa Ye-Shes at the Ming court// Journal of Tibetan Studies. - 1982. - Vol.2. - P. 105-108.
17. ЦГА Республики Калмыкия. Фонд Р-145. Оп.1. Ед.хр. 429.
18. www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/11/29/0000296674/13-Florenskij.pdf

BUDDHISM IN GEOPOLITICS OF NATIONS AND EMPIRES FROM TANGUT TO CASPIAN REGION

B.U. KITINOV

World History Chair
Peoples' Friendship University of Russia
10a Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russia

The Author gives the analysis of Buddhism as a powerful geopolitical force in the processes taking place in Caspian region.